

Мария
Метлицкая

Дом
в Мансуровском

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Метлицкая, Мария.

М54 Дом в Мансуровском / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-247698-3

Сестры Юля и Маруся Ниточкины родились в счастливой и очень дружной семье. В их жизни хватало трудностей, но любовь родителей была неизменным оберегом.

И даже семейная тайна, выпавшая скелетом из шкафа в самый неподходящий момент, не разбила сестер. Запас любви и прочности, полученный ими в родном доме в Мансуровском переулке, позволяет верить: лучшие времена обязательно придут, иначе быть не может.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2026
© Оформление.
ISBN 978-5-04-247698-3 ООО «Издательство «Эксмо», 2026

В военном городке, где жила Маруся, Юлька, ее родная сестрица, появилась через несколько лет.

Юлька любила эффекты и явилась, как всегда, неожиданно, чертом из табакерки, но при этом очень дорогим и любимым гостем.

Телеграмма пришла накануне, за два дня, — как всегда лаконичная, без объяснений, но на то она и телеграмма: «Буду двадцатого тчк Не встречай тчк Не забудь пропуск».

Маруся впала в панику. Ну, во-первых, представить сестре на обозрение свое жилье было стыдно, к тому же она все время вралась про отдельную квартиру со всеми удобствами. Во-вторых, продукты... Нет, имелись, конечно, вяленая рыба, а еще соленые грибы и прочие заготовки — варенье из морошки, протертая клюква и несколько банок соленых зеленых помидоров, твердых, как камень, — другие в городок не заво-

зились. Вот только ни рыбу, ни грибы Юлька не ела, поскольку была отчаянным мясоедом. Даже в Москве бедная Ася из-за этого мучилась — поди достань хорошее свежее мясо! Но дома справлялись: то рынок, то поездка в Асину деревню, где им выдавали воистину царские подарки — тушу молодого барашка и килограммов десять телятины.

Растерянная Маруся сидела на диване и в который раз обводила взглядом свою комнату. Да уж, кошмар и ужас. Ободранные пожелтевшие обои в дурацкий бледно-розовый цветочек, вздутый, кошмарного серого цвета линолеум, три самодельные, подобранные возле подъезда книжные полки, засиженный мухами пластиковый абажур, журнальный столик с кругами от сковородки и чашек, оставшийся от предыдущих, неаккуратных, жильцов.

Что делать, что? Нет, Маруся вовсе не неряха! Но сколько она ни старалась, сколько ни отмывала, ни терла, сдирая в кровь пальцы, ничего не получалось. Улучшить или облагородить жилище не удавалось. Что изменят керамическая вазочка с веткой багульника или два скучных постера на стене? Нищету прикрыть трудно.

Ремонт не делали — ждали квартиру. А с квартирой пока было глухо. Повздыхав и поплакав, Маруся решила действовать. Упасть в грязь лицом перед Юлькой? Ни в коем случае! И она кликнула соседок. Отозвались самые близкие, Лида Брекун и Тася Зубцова, и через пару часов на вздутый линолеум гордо лег красный ковер с классическим, как сказала Лида, рисунком. Маруся вздохнула: ес-

ли бы дома, в Мансуровском, они постелили вот такой классический, все бы онемели и решили, что кто-то сошел с ума. Но и за это спасибо. Тася принесла шторы, которые, между прочим, сняла с собственного окна! Шторами Тася гордилась: на голубом тюле плыли длинношеее белые лебеди.

Потом появилась хрустальная ваза с искусственными гвоздиками, конфетница из того же прессованного хрусталя, и завершали это обновление два шедевра — здоровенный фарфоровый белый гусь с золотым клювом и устрашающим выражением злющей, какой-то драконьей морды и такой же здоровенный деревянный лакированный орел с распахнутыми крыльями и надписью «Привет из Кисловодска».

Соседки плюхнулись на диван, оглядели дело рук своих и остались довольны.

— Ну! — удовлетворенно сказала Лида, поднимаясь с дивана. — А ты боялась! Какую красоту навели! А ты не верила!

Выдавив жалкую улыбку, Маруся кивнула:

— Спасибо вам, девочки!

Довольные соседки ушли, а она уселась на диван и разревелась. Все было ужасно. Правда, теперь стало еще и смешно — можно представить, как развеселится сестрица! Сначала развеселится, а уж потом ужаснется.

Но и убрать все это было нельзя — девочки бы смертельно обиделись. Все было сделано от души, оторвано от самого сердца, но Маруся пожалела, что позвала соседок. Однако и это придется пережить.

Теперь оставалось раздобыть самое главное — мясо.

Мяса ни у кого не было. Правда, у Таси в холодильнике болтались какие-то кости «на супешник», как она говорила, и она была готова тут же отдать и эту «драгоценность». Но из замороженных костей не сделаешь ни котлет, ни жаркого.

Думали долго. Осенило Лиду:

— Пойдем к Салаевой! — сказала она с таким выражением лица, будто собралась на фронт бить фашистов.

Антонина Салаева была личностью известной и одиозной — мурманчанка, приехавшая в военный городок ловить мужа. С мужем не получилось, и Антонина стала ловить любовников. Но никто, кроме изголодавшихся солдатиков-срочников, не клевал на грубую и некрасивую хамку. А Антонина тяготела к офицерскому составу. И, невзирая на отталкивающую внешность, ужасный характер и прочие недостатки, любовников находила. Причина была в одном — Антонина Салаева была заведующей центральным гастрономом.

— Ну нет! — вздрогнув, сказала Маруся решительно. — Туда — ни за что!

— Я пойду, — заявила верная Лида, — я. У тебя, москвичка, все равно ничего не получится.

— Как на казнь, — заметила Тася и поддержала подругу: — Ты там держись! Хочешь, я постою на улице?

Сколько ни уговаривала Маруся добрую Лидочку, сколько ни умоляла «не идти на компро-

мисс, не унижаться и не портить здоровье», Лида качала головой и упрямо повторяла одну и ту же фразу: «Ну не съест же меня эта сука?»

Маруся знала — остановить Лиду невозможно: сибирский характер, к тому же жена офицера.

— Как на убой посылаем. — Тася перекрестила Лидочку в спину.

Вернулась та не скоро. Бледная, измочаленная, словно вагоны разгружала. Шмякнула на стол здоровенный и явно тяжелый шмат, завернутый в газету, и в изнеможении села на стул.

— Получилось? — не веря своим глазам, спросила Тася. — Я, если честно...

— Тонька в настроении была, — глухим голосом ответила Лида. — Видать, мужика нового подцепила. Девки, водка есть? Ну или что-то спиртное?

Маруся развернула газету. В ней лежал здоровенный, килограмма под два, кусок свинины.

— Ничего себе! — пробормотала Маруся. — Ну, Лида! Ты герой!

С достоинством кивнув, Лида опрокинула рюмку водки.

Мясо было перемороженным, каменным, но все же это было мясо, сплошная мякоть, бледно-розовая, с белыми прожилками жира. Первая мысль — отрезать кусок и сберечь для Алешки. Потом стало стыдно. Да и когда он, Алешка, вернется? Впереди целых четыре месяца ожидания.

Маруся было загрустила, вспомнив про любимого мужа, и тут же улыбнулась — ну все, в грязь лицом не ударит. Обед есть, и Юлька будет сыта, а это главное.

Обсуждая рецепты, женщины спорили.

Героиня дня Лида настаивала на жарком. Та-ся — на котлетах. А Маруся машинально поддакивала то одной, то другой и думала о своем — как пройдет встреча с Юлькой? Как сестраотреагирует на то, что увидит?

У Юльки характер. Юлька правдоруб и не стесняется в выражениях, что называется, рубит сплеча. Юльке незнакомы «цирлих манирлих» и всяческие реверансы. Марусина сестра — человек суровый и справедливый, журналистка.

Ладно, прорвемся. Главное — она приедет, привезет свежие новости, и они наконец обнимутся!

Вечером Маруся сделала жаркое, сварила компот из морошки и испекла пирожки с клюквой. Устала так, что упала без сил. Но, несмотря на усталость, все равно не спалось. Переживала из-за Юлькиного приезда, из-за Лешки, из-за папы и Аси, из-за своего вранья, которое вот-вот вскроется, — словом, из-за всего. Это Маруся умела.

Под утро, когда сон почти сморил ее, рванула в туалет. Еле успела. Токсикоз, чтоб его. И слезы, по любому поводу слезы. Ну вот, например, Юлькин приезд. Ведь огромная радость, а она плачет. Понятно, беременность, гормональный фон. И еще жгучая тоска по своим и родному дому. Вспоминала Москву, Остоженку, улицы и улочки, исхоженные вдоль и поперек, угловую булочную, куда они с сестрой бегали за бубликами и «калорийными» булочками, любимую скамейку на заднем дворе, огромный ста-

рый клен у подъезда, песочницу и — начинала реветь.

Как далеко оказалось все это, вся их прежняя, такая любимая, жизнь! Потом, правда, она вспоминала, что плакать и нервничать вредно, умылась и брала себя в руки.

Маруся оглядела принаряженную комнату, и ее взгляд остановился на фарфоровом злато-кловом Лидином гусе: «Ну и морда! Не гусь, а сатана! И как Лида могла купить этот ужас? Нет, этого я не выдержу». И, завернув в полотенце, убрала страшилище в диванный ящик.

Юлька появилась к обеду. Маруся все глаза проглядела, чуть нос не примерз к окну. А сестрица уже стучала в дверь:

— Эй, где вы там? Спите, черти?

Маруся кинулась в объятия сестры.

От Юльки восхитительно пахло духами Climat, морозцем, свежестью, влажным мехом, помадой.

— Господи, — чуть отстранив от себя Марусю, сказала она, — неужели все это правда? Как будто сто лет тебя не видела.

Маруся утирала слезы. Юлька. Сестра, нет никого роднее. И пусть Лешка не обижается — с ним они всего пару лет, а с Юлькой всю жизнь. И в этой жизни было столько всего! И хорошего, и плохого. Всякого.

Юля оглядывала комнату, кхекала, но деликатно молчала. «Пока молчит», — думала Маруся. Но, зная сестрицу, была готова ко всему. Она крутилась вокруг Юли, причитала, обнимала и целова-

ла ее, принималась плакать и хлюпать покрасневшим носом, бросалась на кухню, чтобы разогреть обед, расставляла посуду, грохнула от волнения тарелку, заохала, запричитала, схватилась за ве-
ник.

— Не суетись, — спокойным голосом сказала сестра, — ну что ты мечешься как подстреленная? — В голосе зазвучали раздраженные и знакомые командные нотки: — Садись, Мань. От голода я не помру. Давай просто посидим. Что ты как заполошная? Не английская королева к тебе приехала, а родная сестра. — Помолчала и вдруг сказала: — Врала, значит, все врала. И про отдельную квартиру врала, и про польскую стенку, и про мягкую мебель.

— Чтобы вас не расстраивать. А квартиру мы ждем! Честное слово! Вторые на очереди! Леша вернется, и...

Юлька перебила ее:

— Что «и», Мань? Апартаменты с ремонтом выдадут? Фруктов в магазине будет завались? Муж твой перестанет уходить на полгода, и ты перестанешь дергаться: всплывут — не всплывут? Что поменяется, Маш? Ну чтобы так, кардинально? Может, климат?

— При чем тут климат? К климату я привыкла. То есть привыкаю, — разозлилась Маруся. — Леша — мой муж, а я жена офицера. И силой сюда меня не отправляли. Это только мое решение, и ты это знаешь! А потом, Юль, ты вообще понимаешь, что я Лешку люблю?

Юля махнула рукой — дескать, что с тобой, с дурой, разговаривать!

— Ну хотя бы душ у вас есть? — ядовито осведомилась она. — Или снег топите?

— Ванная! — обрадовалась Маруся. — Вот тебе полотенце, халат — и вперед!

На пороге ванной Юля застыла, обернулась на Марусю и покачала головой:

— Нет, дорогая. В эту ванну я не полезу! Ладно, теперь до дома. А халат и тапочки давай, что уж.

Ванна была желтого цвета и не отмывалась никакими средствами, как Маруся ни старалась. Дно ее было поцарапанным, коричнево-черным, с омерзительными, неотмывающимися подтеками.

— Я полотенце на дно кладу. Ну и... давай положу, а? — жалобно и заискивающе спросила она сестру. — Я ее только вчера отмывала!

Юля прошла по квартире. Заглянула на кухню. Кивнула на две соседние двери:

— Соседи?

— Ну да.

— И где они? — строго, как инспектор, спросила Юля.

— Шепелевы в отпуске, Бородин в походе. Он беспородный, — словно оправдывалась она.

— Жених, значит, — недобро усмехнулась Юля, — понятно. И как?

— Что — как? — не поняла Маруся.

— Жених как? Стоящая кандидатура? Может, рассмотреть? А что, будем соседями.

— Брось ерничать, Юль, — обиделась Маруся, — везде люди живут. А эти, между прочим, еще и страну охраняют! И не всем довелось родиться в столице. А люди здесь приличные, морские офицеры. И жены у них...

— Видела я этих жен, — прервала сестру Юля. — Да разве я спору? Конечно, везде! И на Севере, и в Антарктиде! И в пустыне живут, и в горах. Только у меня один вопрос. Всего один. При чем здесь ты, Маша?

Машей она называла сестру в самых крайних, конфликтных случаях или если злилась и обижалась. А так сестра для всех была Марусей.

— Я? — Маруся поперхнулась от возмущения. — Потому что я — жена офицера! — с пафосом повторила она. — Потому что это мой долг. Потом — и я тебе говорила, — я люблю Алешку и счастлива с ним! — И Маруся расплакалась.

— Ладно, — примирительно сказала Юлька, — ну? И где твои яства?

Попробовав мясо, за которое билась бедная Лида Брекун, Юля скривилась:

— Собачатина? А может, медвежатина?

— Что? — поперхнулась Маруся. — Ты... — от возмущения она закашлялась, — ты совсем спятила? Это свинина! И вообще, Юль! Ты, кажется, перегибашь!

Ну что делать? Поссориться, выгнать Юльку из дома, уйти самой? В конце концов, все это Маруся предвидела. Такой человек ее Юлька. Не просто с ней, но это родная сестра.

— Ладно, — примирительно вздохнула Юля, — извини. Но ведь не жуется, зараза! А юморок мой ты знаешь.

— А ты и собачатину пробовала? — желчно осведомилась Маруся. — Откуда знаешь, что она не жуется?

Зато пирожки с клюквой Юльке понравились. И калитки с картошкой, принесенные Лидой, и компот из морошки.

Юлька открыла дорожную сумку и, как факир, медленно, с расстановкой, стала вытаскивать подарки — пять плиток горького шоколада с орешками, две банки растворимого кофе, индийский чай, две палки сырокопченой колбасы — как же она восхитительно пахла! — целых четыре коробочки сыра «Виола» — Маруся его обожала! — и пять больших ярко-желтых лимонов. В общем, фантастика.

А потом сестры разговаривали.

Юля рассказывала о Москве и родных, вскользь о своих кавалерах, прокомментировав, что все это не то и вообще полная ерунда, а «того самого» нет, и она почти не верит, что это когда-нибудь будет.

— Видимо, дело во мне, — вздохнула она. — Или в судьбе. Ты в нее веришь?

От этих откровений Юля немного смутилась, и было странно видеть ее растерянной. «Устала, просто устала, — мелькнуло у Маруси, — вот и раскисла, разнюнилась».

— Иногда думаю, — продолжила Юля, — на что я трачу жизнь? Дурацкие романчики, порочные связи. Ну что ты смеешься? Да, порочные. Иду я тут по Каланчевке и реву, представляешь? Я — и реву! Причин нет, просто жалко себя. Все оборачиваются, а мне наплевать. Ты знаешь, мне правда наплевать на прохожих.

«А ведь Юлька несчастна, — подумала Маруся, и ее сердце буквально разорвалось от печали

и боли. — Сильная, смелая, боевая и очень красивая Юлька». Но сестра не дала ей долго горевать:

— Хочешь знать, что будет дальше? Брошу всех, уеду на Алтай или в Карелию, а может, на Байкал — мечтаю его увидеть, — приду в себя, проживу аскетом, отдохну от страстей. А когда вернусь, заведу новый роман.

Маруся засмеялась:

— Да ну тебя! Опять роман! Жди, пока влюбишься!

— Ну да, ждать большой и чистой любви! Я так не могу — это ты у нас по-ло-жи-тель-ная! А я нет! Я в любовь не верю, поэтому и завожу нового любовника! В общем, утешаюсь. Думаешь, я не права?

— Не знаю.

— Ну и правильно! — погрустнела Юля. — Я и сама не знаю... Ничего не знаю, кроме одного — ничего у меня не получается и ничего не срастается. Прогуляемся? А то я своим нытьем тебя измотала. Сама не понимаю — куда меня понесло? Ну что? Ты говоришь, здесь природа? А валенки? Вторые валенки у тебя есть?

Нашлись и валенки, и теплый зипун — старая шуба из овечьего меха. От шубы воняло козлятиной, но она жаркая, как печка.

Сестры долго возились в крохотной прихожей и наконец вывалились на улицу — смешные, похожие на неваляшек, укутанные, в валенках и огромных платках.

На улице стояла тишина. Сказка. Обалдевшая Юлька огляделась по сторонам и тихо присвист-

нула. Белый снег, как только что поколотый рафинад, искрился под слабым светом уличного фонаря. На чернильном темно-синем небе низко, почти над головой, горели огромные яркие звезды. На горизонте видны были покрытые снегом сопки. И стояла тишина — такая невозможная тишина, что становилось не по себе, хотелось закричать, чтобы нарушить ее, разорвать.

Снег скрипел под подошвами валенок. Юлька, со счастливой улыбкой раскинув руки, плашмя упала в сугроб и закрыла глаза.

— Ну? — довольно спросила Маруся. — И как тебе?

Ей тоже хотелось рухнуть в сугроб, но она не решилась: чувствовала ответственность за жизнь малыша.

Кряхтя, Юля встала на ноги, отряхнула зипун и платок.

— Кто спорит, красиво. — Голос ровный, но не без сарказма. — Но это, знаешь ли, на пару дней. Полюбоваться — и домой, в Москву. А как здесь можно жить — честно, не понимаю!

— Дурочка! — Маруся счастливо засмеялась. — Вот именно, не понимаешь! А северное сияние? Ты даже не можешь себе представить, как это! А весна, когда все распускается: багульник цветет, бадан, незабудки, даже пионы! А грибы, Юль! Выходишь на полянку, а там красно от подосиновиков! А морошка? Обожаю кисель из морошки, густой, можно есть ложкой. Да со сладкой булочкой! Лида Брекун мастерица, ей завести тесто и налепить пять-

десять булочек — как нечего делать. Представляешь?

Юля перевела взгляд на сестру.

— Ну, может, хватит, Марусь? Грибы эти, полянки волшебные. Кисели с булочками. «И даже пионы», — с сарказмом повторила она. — Счастье-то какое, а, Мань? А что ты не говоришь, что не видишь муженька по полгода? Что яблоки для вас вроде ананаса, а свежее мясо — продукт из прошлого? И про погоду. Брр! — поежилась Юля. — Ну что молчишь? Про лето с тринадцатью градусами, про бесконечную зиму? Про метели, пургу, сугробы до окон? А про культурный досуг, как с этим? Ну да, есть клуб офицерских жен, кажется, это так называется? Кружки разные — вязание там, кружок кройки и шитья, вышивание на пяльцах. Кружок «Хорошая и экономная хозяйшюка»: как сварить вкусный борщ и испечь тортик из ничего. Ну и чай погонять, а заодно и посплетничать: что там у Дуськи, а что у Маруськи. Юбочку новую обсудить, мужа чужого. Все так, Мань? Или я ошибаюсь?

Маруся не ответила.

— Ну что ты нахмурилась, милая? — ядовито осведомилась Юля. — Обиделась? Если я неправа — извини. Возражения принимаются. Только, знаешь, — она вытащила из-за пазухи сигареты, — тебе ведь нечего возразить, вот в чем проблема. И твои восторги, Марусь... Все ты придумала, чтобы не чокнуться от тоски. Чтобы не признаться себе, какая ты дура. Романтики захотелось, да, Мань? Ну что, наелась? Не

тошнит? Продолжаешь строить из себя декабристку?

— Ты ничего не понимаешь, — не глядя на сестру, упрямо сказала Маруся. — Да, в бытовом плане здесь нелегко. Но здесь отношения между людьми другие. Если что, все побегут, чтобы помочь.

— Себе хотя бы не ври, — раздраженно бросила Юля. — Везде, в любом месте, есть зависть, жадность, страхи и прочие пороки. «Здесь все по-другому», — передразнила она сестру. — Ну да, здесь нет тайных романов, все святые. Здесь не завидуют, что ты! Не подсиживают друг друга — ну, разумеется! Не обсуждают — о чем ты? Сплетни изжиты. Маш, может, хватит? Или ты продолжаешь убеждать себя? И да, как ты общаешься с этими, как их? Лидами, Дусями, Клавами? Ты, профессорская дочка, студентка иныа с Остоженки?

— Перестань! — окончательно обиделась Маруся. — Какая же ты снобка! Что, Лиды и Клавы для тебя не люди? Откуда такое презрение, Юль? Вот честно, не понимаю — откуда? Нас воспитывали по-другому, и в нашем доме не было таких разговоров! — Маруся даже заплакала от обиды.

Так с Юлькой всегда. Ждешь ее, ждешь, скучаешь по ней. А в итоге...

— Жизнь научила, — жестко ответила Юля. — Жизнь — лучший учитель. Все здесь есть, Марусенька, все людские пороки. Только помельче все это, масштаб, как говорится, не тот. Ладно, — примирительно заключила Юля, — про

Лидок твоих я была неправа. Но, Маруся, все эти чудесные женщины и ты — это разные планеты, вот и все, что я хотела сказать. Для них это привычная жизнь, а для тебя — тюрьма. Эта жизнь не для тебя. Ты окончила французскую спецшколу, училась в инязе, выросла на концертах классической музыки, обожала театры. Где ты и где они, эти славные женщины? Неужели ты не скучаешь по нашей Остоженке, по Арбату, Замоскворечью? По Пушкинскому, Третьяковке, «Современнику» и «Ленкому»? Неужели твой подвиг стоит всего того, чего ты лишена? А наша квартира? Твоя комната с окном на наш клен? Книжный шкаф с любимыми книгами? Только не говори, что здесь есть библиотека. Как ты без книг? Без своих книг, Маруся? А твой торшер с полочкой, а пушистый коврик у кровати? Наша кухня с буфетом, семейные обеды, папа, с его шутками, с рассказами про Древний Рим? А Асины беляши? А твои подружки, Мань? Ирка Хрусталева, Майка Оганесян? Ты по ним не скучаешь? А вот они по тебе ужасно. Как встречу Ирку, носом хлюпает: где там наша Маруся? А Нескучный, Маруся? Ты по нему не скучаешь?

Маруся молчала.

— Северное сияние, кисель из морошки! — продолжала Юля. — Ей-богу, смешно!

— Пойдем домой, — наконец сказала Маруся. — Я замерзла. Хочется чаю и спать.

Возвращались молча. Стараясь не смотреть друг на друга, сбросили валенки и зипуны, стянули платки.

Юля отказалась от чая, а Маруся выпила, чтобы согреться.

Наконец улеглись — Юлька у стенки, Маруся с краю.

— Спокойной ночи, — примирительно сказала Маруся.

— Ага, — зевнув, ответила сестра, отвернувшись и через пару минут уже спала.

А к Марусе сон не шел. Какой уж тут сон...

* * *

Профессор Ниточкин овдовел в тридцать девять, неожиданно и скоропостижно. А ведь был самым счастливым человеком. Как не поверить в поговорку «все хорошо не бывает»?

Женился профессор четыре года назад, в тридцать пять. Поздновато женился и неожиданно для всех — его давно считали заядлым холостяком. Женился, когда понял, что жить без Катеньки, этой нежной, белокурой и тихой женщины, он не сможет.

Катенька, любимая его аспирантка, была совершенством. Как будто про нее сказал великий поэт: «Любить иных тяжелый крест, а ты прекрасна без извилин. И прелести твоей секрет разгадке жизни равносильна».

Он и не думал разгадывать этот секрет — он просто был счастлив.

Катя была прекрасна, а тихий нрав лишь дополнял ее ангельскую внешность. И звали ее Екатерина Светлова. Светлова — от слова «светлая».

Профессора Ниточкина не осудили, да и осуждать было не за что — профессор был холостой, совсем нестарый, симпатичный и приятный в общении, характера мягкого и невинного. Да и разница в тринадцать лет — ничего особенного, видали и побольше.

В институте всегда кипели страсти и страстишки, и далеко не юные профессора и академики легко заводили романы с молодыми прелестницами. А как устоять, когда столько соблазнов?

Оканчивались эти истории по-разному: иногда оскорбленная супруга писала в партком, и это почти всегда имело успех — загулявших стариков возвращали в семейное лоно. Но бывали и исключения. В таких случаях баловник оставлял имущество бывшей семье и уходил в новую и, безусловно, счастливую, как казалось, жизнь с одним чемоданом. Но, как правило, грязных и скандальных разделов имущества не было — интеллигентные же люди.

Имелись смельчаки, которые уходили недолго думая, ловя последний шанс прожить остаток жизни ярко и насыщенно. Были такие, кто тянул кота за хвост — сколько их было, этих несчастных «котов»! Осторожные и трусливые из старых семей все же не уходили, а к любовницам бежали украдкой и нечасто, все-таки возраст.

Это не были истории о большой любви и лебединой песне, скорее самоутверждение и желание быть «как другие».

Профессорские жены обладали завидным терпением, да и держаться было за что: квартира, дача, но главное — статус! «Да помилуйте, какая